

Языковое законодательство в межвоенной Польше как элемент национальной политики: историография проблемы

А. Н. Загидулин

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
grsu054708@grsu.by

Аннотация

Статья посвящена языковой политике Польши как элементу национальной политики. Автор рассматривает международные договоры по защите национальных меньшинств, конституцию Польши 1921 г. и принятые 31 июля 1924 г. законы «О государственном языке и рабочем языке в государственных учреждениях и учреждениях самоуправления», «О языке и организации школьной работы для национальных меньшинств», «О языке в судах, прокуратуре и нотариальных учреждениях».

Во Второй Польской республике треть населения составляли национальные меньшинства, для соблюдения прав которых польским сеймом были приняты данные законы. Законы предусматривали ограниченное использование польскими госслужащими в своей деятельности языков национальных меньшинств – литовского, белорусского и украинского. В силу своей непоследовательности и половинчатости законы фактически не выполнялись и вызвали недовольство как среди представителей национальных организаций, так и у большинства политических кругов Польши. Среди историков и в публицистике законы «О языке...» также порождали дискуссию. Большинство исследователей считает, что польское языковое законодательство ставило своей целью не улучшить реально положение национальных меньшинств, а лишь имитировать их защиту, чтобы сформировать позитивный образ «демократической» Польши на международной арене.

Ключевые слова:

Вторая Польская республика, законы «О языке...» от 31 июля 1924 г., национальная политика польских властей в Западной Беларуси (1921–1939), белорусская историография, польская историография

Польская республика восстановила свою независимость по итогам Первой мировой войны в 1918 г. В результате польско-советской войны 1919–1920 гг. по Рижскому мирному договору в состав Польши вошли Западная Беларусь и Западная Украина. После 1921 г. около трети населения Польши представляли национальные меньшинства, большинство из которых составляли украинцы, евреи

Language legislation in interwar Poland as an element of national policy: historiography of the problem

A. N. Zagidulin

Yanka Kupala Grodno State University,
Grodno, Republic of Belarus
grsu054708@grsu.by

Abstract

The paper deals with the language policy of Poland as an element of national policy. The international treaties on the protection of national minorities, the Constitution of Poland of 1921 and the laws adopted on July 31, 1924 "On the State language and working language in State institutions and self-government institutions", "On language and organization of school work for national minorities", "On language in courts, prosecutor's office and notary institutions" are considered.

In the Second Polish Republic, one third of the population consisted of national minorities, for whose rights the Polish Sejm adopted these laws. The laws provided for the limited use of the languages of national minorities – Lithuanian, Belarusian and Ukrainian. In certain cases, Polish civil servants were required to use the languages of national minorities in their activities. Due to their inconsistency and half-heartedness, the laws were not actually implemented and caused discontent both among representatives of national organizations and among the majority of Polish political circles. Among historians and in journalism, the laws "On Language..." also caused a discussion. Most researchers believe that the Polish language legislation did not aim to actually improve the situation of national minorities, but only to imitate their protection in order to form a positive image of a "democratic" Poland in the international arena.

Keywords:

the Second Polish Republic, the laws "On languages..." of July 31, 1924, national policy of the Polish authorities in Western Belarus (1921–1939), Belarusian historiography, Polish historiography

и белорусы. Важным условием для полноценного развития государства и общества в данной ситуации является необходимость проведения взвешенной национальной политики. Основой государственной политики является политика в области государственного языка и сферы использования языков национальных меньшинств. В данном исследовании будут рассмотрены языковая политика межвоенной

Польши на примере белорусов и оценка ее в советской, белорусской и польской историографии.

Правовой статус белорусов в польском государстве определялся рядом международных соглашений. В первую очередь, это был трактат о национальных и религиозных меньшинствах, так называемый Малый Версальский договор, подписанный Польшей 28 июня 1919 г. Данный договор считался одним целым с мирным Версальским договором, заключенным по итогам Первой мировой войны, и был обязателен для всех государств, подписавших Версальский мир. Данный трактат гарантировал всем гражданам Польской Республики, независимо от расы, языка, вероисповедания, равенство перед законом и возможность пользоваться гражданскими и политическими правами. Аналогичные соглашения с державами-победителями (Англией и Францией) подписали Чехословакия, Греция, Югославия, Румыния, а позже Албания, Эстония, Литва и Латвия. Трактатом предусматривалось, что со стороны государства не будет создаваться никаких ограничений в организации религиозной практики любого исповедания, в применении не польского языка в частных, торговых и религиозных отношениях, в прессе, судах и общественных акциях, в работе просветительских, благотворительных и религиозных организаций. Польское правительство должно было обеспечить гражданам с непольским родным языком, которые составляли значительную группу населения данного города или района, начальное обучение их детей на родном языке. Также в таких регионах правительство должно было обеспечить меньшинствам выделение финансовых средств из государственного и местного бюджетов на воспитательные, религиозные и благотворительные цели [1, с. 173].

Гарантом выполнения принципиальных постановлений трактата была Лига Наций. Согласно договору, все недоразумения между Польшей и другим государством относительно прав меньшинств считались спорами международного характера и подлежали компетенции Международного Трибунала справедливости [там же, с. 193–194]. Обязательства, возложенные на Польшу трактатом, могли быть изменены только с согласия большинства Совета Лиги Наций. Согласно статье 12 трактата, внимание Совета на нарушение или угрозу нарушения какого-либо из обязательств имел право только член Совета. В этом случае Совет мог действовать только после подтверждения факта нарушения или его угрозы [там же, с. 195]. Как видим, не был создан механизм, по которому национальные меньшинства сами могли бы обращаться в Совет Лиги Наций. Упомянутое соглашение также имело ряд неточностей. Ограничением прав национальных меньшинств было отсутствие в тексте договора самого термина «национальное меньшинство», а только использование понятий «расовые, языковые и религиозные меньшинства», для них не предусматривалось никакой автономии. Не было конкретизировано, насколько «значительной» должна быть компактно проживающая группа представителей языковых меньшинств, чтобы она могла претендовать на школу на своем языке. Неясность некоторых формулиро-

вок договора создавала условия для неоднозначной интерпретации положений трактата.

В статье 1 Малого Версальского трактата Польша давала гарантию, что ни один закон, ни одно распоряжение или действие государственной администрации не будет расходиться с положениями трактата. Эти положения были отражены, в основном, в конституции 17 марта 1921 г. и продублированы в конституции 1935 г. [2, с. 62].

Права белорусов Республики Польши юридически защищались, хотя довольно размыто и обобщенно, и в Рижском мирном договоре, заключенном 18 марта 1921 г. по итогам советско-польской войны между РСФСР и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. В статье 7 договора утверждалось, что Польша представляет лицам русской, украинской и белорусской национальностей на основе равноправия национальностей все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов. Утверждалось, что русские, украинцы и белорусы имеют право в пределах внутреннего законодательства культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы. Однако в договоре ничего не говорилось о том, что Польское государство должно было само создавать школы на языках национальных меньшинств [3, с. 258].

Национальная политика Польши по отношению к белорусам широко освещена как в польской, так и белорусской историографии, причем часто даются почти противоположные оценки [4, 5]. Языковая политика является основой национальной политики. Национальная политика, проводимая польским правительством, была направлена на ассимиляцию украинцев и белорусов. Однако ее реализация оказалась непоследовательной: довольно жесткие меры чередовались с относительно либеральными шагами. Одну из самых либеральных и неоднозначных попыток решения национального вопроса польское правительство предприняло в 1924 г. Несмотря на то, что государственный язык в Польше по Конституции был один – польский – 31 июля 1924 г. польский сейм утвердил Законы «О государственном языке и рабочем языке в государственных учреждениях и учреждениях самоуправления», «О языке и организации школьной работы для национальных меньшинств», «О языке в судах, прокуратуре и нотариальных учреждениях», которые официально предусматривали ограниченное использование языков украинцев, белорусов и литовцев на определенной территории.

Закон «О языке и организации школьной работы для национальных меньшинств» предусматривал создание как белорусскоязычных школ, так и двуязычных белорусско-польских школ – так называемых «утраквистических школ». Закон «О государственном языке и рабочем языке в государственных учреждениях и органах самоуправления» установил, что делопроизводство во всех государственных учреждениях должно вестись на польском языке (статья 1). Однако на территории, определенной как место проживания национальных меньшинств, пред-

ставителям этих меньшинств разрешалось пользоваться родным языком письменно или устно и, кроме того, требовать ответа на нем от административных органов 1-й и 2-й инстанций, городских магистратов, поветовых и воеводских управлений (статья 3). Гмины (органы сельского самоуправления) вообще обязывались отвечать на языке заявления без пожелания просителя. Местный язык разрешалось использовать на заседаниях гминных и городских советов, районных и воеводских сеймов. Протоколы заседаний могли вестись на двух языках, если совет примет такое решение (статья 4) [6, с. 1094]. Как видим, заботы об использовании родного языка были возложены на самих белорусов, украинцев и литовцев. Закон о языке в судах, прокуратуре и нотариальных учреждениях декларировал право физических и юридических лиц использовать родной язык в этих учреждениях. Однако сфера использования языков меньшинств была ограничена до минимума. Предусматривались провокационные ситуации. Пункт 3 статьи 2 гласил, что если одна из сторон представила в суд заявление на родном языке, а противоположная сторона потребовала перевода документа на польский язык, то первая из сторон обязана представить переведенный вариант в течение 14 дней. Предыдущее заявление и все связанные с ним судебные процедуры считались недействительными. Днем подачи считается день подачи перевода [7, с. 1206]. Обязанностью суда было следить, чтобы сторона, не понимающая языка, используемого в суде, не понесла никаких потерь при юридической защите своих прав.

Данные законы вызвали большой резонанс среди современников. Во время обсуждения законов и после их принятия сеймом в польской прессе разгорелась дискуссия. Националистические польские партии посчитали законы слишком прогрессивными, преждевременными, к чему не готовы сами нацменьшинства. Например, анонимный автор статьи, размещенной в газете правого толка «Dziennik Wileński», отказывается в существовании такому народу, как белорусы, он возмущен тем, что правительство «выдумывает новые меньшинства и языки, неизвестные доселе ни этнографам, ни лингвистам» [8]. Представителей белорусов в сейме возмутила юридически определенная зона их компактного расселения в Польском государстве, на которой действовали упомянутые правовые нормы: территория Полесского, Новогрудского, Виленского воеводств, а также Гродненского и Волковыского уездов Белостокского воеводства. Это отметил глава Белорусского депутатского клуба в сейме Б. Тарашкевич в своей речи 9 июля 1924 г. при обсуждении проекта закона о языках. Он указывал, что как минимум четыре уезда с белорусским населением – Бельский, Белостокский, Сокольский и Августовский – не попадают под действие упомянутых законов [9, с. 157–158].

Территория проживания белорусов была определена авторами Законов на основе материалов переписи 1921 г., ставившей целью сократить численность белорусов и максимально увеличить польское население. Поэтому результаты переписи были искажены, что отмечают

даже современные польские исследователи, в частности демограф П. Эберхардт [10, с. 61]. Разные исследователи, в том числе П. Эберхардт, пытаются определить реальную численность и районы проживания белорусов в то время, но сделать это можно лишь путем выдвижения предположений.

Из-за различия критериев законы «О языке...» от 31 июля 1924 г. неоднозначно оцениваются в послевоенной и современной исторической литературе. Данная проблема была затронута польскими авторами в контексте изучения национальной политики правительства Польши. Известный польский историк А. Хойновский в целом характеризует законы положительно, хотя и отмечает, что они не могли полностью удовлетворить требования белорусов, украинцев и литовцев, но способствовали активизации позиций белорусского и украинского населения, поскольку основная забота об использовании предоставленных прав возлагалась на самих заинтересованных лиц. По его мнению, законы существенно отличались по духу от программных установок правящей в тот момент партии национал-демократов, не воспринимавших белорусов и украинцев как отдельные народы, и были для них слишком прогрессивными [11, с. 38].

Польский исследователь Я. Е. Милевский утверждает, что законы могли сделать шаг вперед в решении проблем славянских меньшинств, но в силу своей половинчатости не удовлетворили ни одну из противоборствующих сторон [12, с. 364]. К. Гомулка однозначно называет законы попыткой ассимилировать поляками население Западной Белоруссии [13, с. 112]. В. Мих, характеризующий польские правые партии как националистические за их стремление к «национальному государству», тем не менее отмечает, что законы гарантировали этническим меньшинствам определенные языковые права [14, с. 102]. Автор учебника по истории Польши М. Эккерт утверждает, что местные власти, с презрением относившиеся к представителям этнических меньшинств, легкомысленно восприняли права, предоставленные им законами, и по большей части игнорировали их [15, с. 168]. Белорусский историк в Польше Е. Миронович в своем обобщающем труде «Новейшая история Беларуси» отмечает положительные цели законов, которые были приняты «для разрядки напряженности», но решали вопрос лишь формально [16]. В своей книге «Белорусы в Польше» Е. Миронович по поводу законов отмечает, что намерения ввести белорусский язык в официальный обиход не выходили за рамки дискуссий и проектов [17, с. 36]. Е. Миронович более подробно проанализировал закон, регулирующий школьное образование для этнических меньшинств, и признал, что хотя закон и создавал формальные условия для обучения на белорусском языке, он содержал ряд положений, которые позволяли администрации ограничивать развитие такого школьного образования. В монографии «Белорусы и украинцы в политике лагеря пилсудчиков» Е. Миронович анализирует обстоятельства и цели принятия законов 1924 г. По его мнению, премьер-министр Польши В. Грабский понимал, что одними репрессиями исправить тяжелое положение

1924 г. в восточных воеводствах невозможно. Тогда встал вопрос, как завоевать лояльность белорусов и украинцев, ничем не жертвуя взамен. Задача заключалась в создании таких уступок национальным меньшинствам, которые не ослабляли бы позиции Польши на данных территориях и в то же время повышали бы доверие к государству [18, с. 17–18].

Историк В. Слешиньский в обзорной монографии, посвященной Полесскому воеводству, считал, что законы должны были, по мнению их авторов, «реабилитировать положение в деревне». В. Слешиньский оценивает их как компромиссное решение, которое должно было, с одной стороны, не ослабить польское господствующее положение, а с другой – не склонить непопольское население к антагонизму. В. Слешиньский отмечает, что инициатор и один из авторов реформы министр религий и народного образования С. Грабский считал национальное образование важнейшим фактором формирования польского сознания и строительства польского государства. Согласно С. Грабскому, создание и поддержание культурной столицы национальных меньшинств не входило в национальные интересы Польши [19, с. 204–205]. Польский историк и журналист М. Куркевич в своей монографии «Sprawy białoruskie w polityce rządu Władysława Grabskiego» («Белорусские проблемы в политике правительства Владислава Грабского») [20] анализирует деятельность кабинета министров Польши под руководством В. Грабского по решению национального вопроса в отношении белорусов. В книге доказывалось, что языковые законы были лишь одной из мер по урегулированию ситуации в регионе. Более того, были и меры, предусматривавшие решение проблем силовым путем, например, создание Пограничного корпуса. Белорусский историк А. Пашкевич в своей рецензии на книгу М. Куркевича критикует ее за односторонность и определенную тенденциозность, характерную для польской историографии белорусского национального меньшинства. Своё отношение к законам рецензент выражает цитатой белорусского священника, члена польского сейма А. Станкевича: «Вообще следует отметить, что эти законы были приняты сеймом не ради интересов нашего народа, но для того, чтобы Польша показала себя миру, Европе, аккуратной по отношению к национальным меньшинствам» [21].

В БССР политика польского правительства в Западной Беларуси оценивалась однозначно отрицательно. Ассимиляция белорусов считается целью всей деятельности правящих кругов Польши. Закон «О языке и организации школьного дела для национальных меньшинств» белорусские советские историки называют демагогическим [22, с. 46], его анализ проведен достаточно подробно. Ценную информацию содержат «Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі» («Очерки истории народного просвещения и педагогической мысли Беларуси»), где закон рассматривается в контексте развития образования и школьного дела в Западной Беларуси и прослеживается степень его реализации на основе архивных материалов. В книге показана противоречивость закона и отмечен его

формальный характер: основные положения были сведены на нет действиями местной администрации и дальнейшими распоряжениями правительства [23, с. 347–349]. Подобный анализ законов проводит современный белорусский исследователь А. Вабишевич, утверждающий, что законы были приняты «под давлением национально-освободительного движения и для умиротворения европейской общественности» [24, с. 19; 25, с. 371]. В советское время хорошо анализировалась социально-экономическая ситуация, в которой принимались и исполнялись законы.

В обзорных работах современных белорусских ученых по истории Беларуси сведения о законах отсутствуют. Судя по всему, авторы не считают это событие достаточно значимым в истории Беларуси межвоенного периода. Яркий пример: «Энциклопедия истории Беларуси», которая также умалчивает об этом факте национальной политики Польши. Статья «Западная Беларусь» этого фундаментального издания характеризует языковую политику в этом регионе упрощенно, одной банальной строкой: «Польские власти проводили политику насильственной полонизации и ассимиляции по отношению к белорусам. Они запретили белорусские школы, ограничили прием из белорусских школ в вузы, не разрешили использование родного языка в государственных учреждениях...» [26, с. 423].

Российские исследователи истории Западной Беларуси в составе Польши и национальной политике польских властей в Западной Беларуси уделяют внимание в контексте рассмотрения советско-польских отношений и рассматриваемую в данной статье языковую политику не анализируют.

В целом, историки не уделяют должного внимания законам «О языке...», несмотря на то, что эти документы были фактически единственными формально-правовыми актами, которые касались национальной политики и регулировали языковые отношения в Западной Беларуси. Предпочтение ученые отдают закону, который регулировал организацию школьного дела. Два других «О государственном языке и рабочем языке в государственных учреждениях и учреждениях самоуправления», «О языке в судах, прокуратуре и нотариальных учреждениях», которые формально ввели двуязычие на определенных территориях, почти не анализируются польскими исследователями, а в белорусской, как советской, так и современной историографии упоминаются очень редко. Результаты этих законодательных актов могут быть подвергнуты сомнению. Представители национальных меньшинств не пользовались даже теми ограниченными правами и возможностями, которые были предусмотрены законами, фактически эти правовые нормы не применялись. Представители польской историографии чаще всего называют законы «компромиссом», которого польская администрация пыталась добиться с национальными меньшинствами, но реализация местными властями свела на нет изначально хорошую идею. Белорусские ученые и общественные деятели, а также некоторые польские историки считают эти законодательные акты фикцией, которая с самого начала не предусматривала решения каких-либо

национальных проблем, а лишь демонстрировала Европе позитивные намерения польских властей в отношении национальных меньшинств. Этот тезис подтверждается политическими убеждениями и цитатами законодателей, которые видели в ассимиляции белорусов и украинцев главную задачу национальной политики и искали к этому наиболее безопасные пути.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918 – 1939. 2 t. T. 1, 1918 – 1932 / red. T. Jędruszczak, M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa : Pax, 1989. – 362 s.
2. Konstytucje i podstawowe akta ustawodawcze Rzeczypospolitej Polskiej 1918 – 1939 / red. A. Gwiżdż – Warszawa, 1967. – 186 s.
3. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1 (1917 – 1922) – Мінск : БелНДІДАС, 1997. – 398 с.
4. Загідулін, А. М. Нацыянальная палітыка Польшчы (1918–1939 гг.) у польскай гістарыяграфіі 1990-х – пачатку 2000-х гадоў / А. М. Загідулін // Журнал БГУ. Історыя. – 2024. – № 1. – С. 63–73.
5. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў : манагр. / А. А. Савіч. – Брэст : БрДУ, 2019. – 300 с.
6. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Rok 1924, II półrocze. Nr. 73, poz. 724.
7. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Rok 1924, II półrocze. Nr. 78, poz. 757.
8. W sprawie ustaw kresowych // Dziennik Wileński. – № 148, 3 lipca 1924. – S. 2.
9. Тарашкевіч, Б. Выбранае: Крытыка, публіцыстыка, пераклады / уклад. і прадм. А. Ліса – Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. – 131 с.
10. Eberhardt, P. Przemiany narodowościowe na Białorusi / P. Eberhardt – Warszawa: Editions Spotkania, 1994. – 181 s.
11. Chojnowski, A. Konceptje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921 – 1939 / A. Chojnowski. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. – 262 s.
12. Milewski, J. J. Władze i ugrupowania polityczne polskie wobec kwestii białoruskiej w Polsce w okresie międzywojennym / J. J. Milewski // Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. – Białystok, 1995. – S. 361–371.
13. Gomółka, K. Polityka rządów polskich wobec mniejszości białoruskiej w latach 1918–1939 / K. Gomółka // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1995, nr. 2 (4) – S. 106–120.
14. Mich W. Obcy w polskim domu. Nacjonalistyczne koncepcje rozwiązania problemu mniejszości narodowych. – Lublin: Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1994. – 143 s.
15. Eckert, M. Historia Polski 1914 – 1939 / M. Eckert. – Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990. – 349 s.
16. Мірановіч, Я. Навейшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – Беласток 1999. – 270 с.

17. Мірановіч, Я. Беларусы ў Польшчы (1918–1949) / Я. Мірановіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі. – Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 191 с.
18. Mironowicz, E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu pilsudczykowskiego / E. Mironowicz. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. – 294 s.
19. Sleszyński, W. Województwa kresowe II RP: Województwo Poleskie / W. Sleszyński. – Krakow: Awalon, 2014. – 335 s.
20. Kurkiewicz M. Sprawy białoruskie w polityce rządu Władysława Grabskiego / M. Kurkiewicz. – Warszawa: Neriton, 2005. – 131 s.
21. Пашкевіч, А. Цаглінка ў даволі саліднай гістарыяграфіі / А. Пашкевіч // Равет. Рэжым доступа: – URL: https://rawet.net/library/history/bel_history/paskevich/101/. (дата обращения: 22.08.2023).
22. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне / Пад рэд. Акад. Н. М. Нікольскага, І. Ф. Лочмея. – Мн. : Выдавецтва АН БССР, 1940. – 96 с.
23. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мн. : Народная асвета, 1968. – 622 с.
24. Вабішчэвіч, А. М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2004. – 116 с.
25. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мн. : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
26. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3. – Мн. : БелЭн, 1996. – 526 с.

References

1. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918 – 1939 [Documents from the history of Polish foreign policy 1918 – 1939]. 2 vols. Vol. 1, 1918 – 1932 / Eds. T. Jędruszczak, M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa: Pax, 1989. – 362 p.
2. Konstytucje i podstawowe akta ustawodawcze Rzeczypospolitej Polskiej 1918 – 1939 [Constitutions and basic legislative acts of the Republic of Poland 1918 – 1939] / Ed. A. Gwiżdż. – Warszawa, 1967. – 186 p.
3. Zнешniaia palityka Belarusi: Zbornik dokumentau i materialau [Foreign policy of Belarus: Collection of documents and materials]. Vol. 1 (1917 – 1922). – Minsk, 1997. – 398 p.
4. Zagidulin, A. M. Natsyianal'naiia palityka Pol'shchy (1918–1939) u pol'skai gistoryiagrafii 1990-kh – pachatku 2000-kh gadou [National policy of Poland (1918–1939) in Polish historiography of the 1990s and early 2000s] / A. M. Zagidulin // J. of Belarusian State Univ. History] – 2024. – № 1. – P. 63–73;
5. Savich, A. A. Aichynnaia gistoryiagrafiia gistoryi Zakhodniai Belarusi 1921–1939 gadou [Domestic historiography of the history of Western Belarus 1921–1939] / A. A. Savich. – Brest, Brest State Univ., 2019. – 300 p.
6. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej [Journal of Laws of the Republic of Poland]. –1924. No. 73, item 724.
7. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej [Journal of Laws of the Republic of Poland]. –1924. No. 78, item 757.

8. W sprawie ustaw kresowych [Regarding borderland laws] // Dziennik Wileński [Vilnius J.]. – № 148, 03.06.1924. – P. 2.
9. Tarashkevich, B. Vybranae: Krytyka, publitsystyka, peraklady [Selected: Criticism, journalism, translations] / B. Tarashkevich. – Minsk: Art literature, 1991. – 131 p.
10. Eberhardt, P. Przemiany narodowościowe na Białorusi [National changes in Belarus] / P. Eberhardt. – Warsaw: Editions Spotkania, 1994. – 181 p.
11. Chojnowski, A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921 – 1939 [Concepts of nationality policy of Polish governments in the years 1921-1939] / A. Chojnowski. – Wrocław: Ossoliński National Institute, 1979. – 262 p.
12. Milewski, J. J. Władze i ugrupowania polityczne polskie wobec kwestii białoruskiej w Polsce w okresie międzywojennym [Polish authorities and political groups towards the Belarusian issue in Poland in the interwar period] / J. J. Milewski // Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej [From the history of Central and Eastern Europe]. – Białystok, 1995. – P. 361–371.
13. Gomółka, K. Polityka rządów polskich wobec mniejszości białoruskiej w latach 1918–1939 [The policy of the Polish governments towards the Belarusian minority in 1918–1939] / K. Gomółka // Białoruskie Zeszyty Historyczne [Belarusian Historical Notebooks]. – 1995, No. 2 (4). – P. 106–120.
14. Mich, W. Obcy w polskim domu. Nacjonalistyczne koncepcje rozwiązania problemu mniejszości narodowych [A stranger in a Polish home. Nationalist concepts of solving the problem of national minorities] / W. Mich. – Lublin: Maria Curie-Skłodowska Univ., 1994. – 143 p.
15. Eckert, M. Historia Polski 1914 – 1939 [History of Poland 1914 – 1939] / M. Eckert. – Warsaw: School and Pedagogical Publishing Houses, 1990. – 349 p.
16. Miranovich, E. Naveishaia gistoryia Belarusi [Modern history of Belarus] / E. Miranovich. – Belastok 1999. – 270 p.
17. Miranovich, E. Belarusy u Pol'shchy (1918–1949) [Belarusians in Poland (1918–1949)] / E. Miranovich. – Vil'nia: Inst. Belarusistiki. – Belastok: Belarusian traditional cuisine, 2010. – 191 p.
18. Mironowicz, E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu pilsudczykowskiego [Belarusians and Ukrainians in the politics of the Pilsudski Camp] / E. Mironowicz. – Belastok: Trans Humana University Publishing House, 2007. – 294 p.
19. Sleszyński, W. Województwa kresowe II RP: Województwo Poleskie [Borderland voivodeships of the Second Polish Republic: Polesie Voivodeship] / W. Sleszyński. – Krakow: Awalon, 2014. – 335 p.
20. Kurkiewicz, M. Sprawy białoruskie w polityce rządu Władysława Grabskiego [Belarusian affairs in the policy of Władysław Grabski's government] / M. Kurkiewicz. – Warsaw: Neriton, 2005. – 131 p.
21. Pashkevich, A. Tsaglinka u davoli salidnai gistoryiografii [A cycle in favor of good graphics history] / A. Pashkevich // Pawet. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/paskevich/101/ (accessed: 22.08.2023).
22. Zakhodniaia Belarus' pad panskim gnetam i iae vyzvalenne [Western Belarus under feudal oppression and its liberation] / Eds. N.M.Nikolsky, I.F.Lochmel. – Minsk: Academy of Sciences BSSR, 1940. – 96 p.
23. Narysy gistoryi narodnai asvety i pedagogichnai dumki u Belarusi [Essays on the history of public education and pedagogical thought in Belarus]. – Minsk: Public education, 1968. – 622 p.
24. Vabishchevich, A. M. Asveta u Zakhodniai Belarusi (1921–1939) [Enlightenment in Western Belarus (1921–1939)] / A. M. Vabishchevich. – Brest: Brest State Univ., 2004. – 116 p.
25. Gistoryia Belarusi [History of Belarus]: In 6 vols. Vol 5. Belarus in 1917–1945 / Ed. M. Kastsyuk. – Minsk: Ekaperspektyva, 2006. – 613 p.
26. Entsylapedyia gistoryi Belarusi [Encyclopedia of the history of Belarus]. Vol. 3. – Minsk: 1996. – 526 p.

Благодарность (госзадание):

Данное исследование выполнено в рамках проекта БРФФИ Г23ИП–036 «Общественно-политическое развитие Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939 гг.) в зарубежной историографии».

Acknowledgements (state task)

This study was carried out within the framework of the BRFFI G23IP–036 project «Socio-political development of Western Belarus as part of Poland (1921–1939) in foreign historiography».

Информация об авторе:

Загидулин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, ORCID ID 0000-0002-6480-6412 (230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22; e-mail grsu054708@grsu.by).

Author:

Aleksei N. Zagidulin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dept. of History of Belarus, Archaeology and Special Historical Disciplines of Yanka Kupala Grodno State University, ORCID ID 0000-0002-6480-6412 (22, Ozheshko st., Grodno 230023, Republic of Belarus, e-mail grsu054708@grsu.by)

Для цитирования:

Загидулин, А. Н. Языковое законодательство в межвоенной Польше как элемент национальной политики: историография проблемы / А. Н. Загидулин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 44–50.

For citation:

Zagidulin, A. N. Language legislation in interwar Poland as an element of national policy: historiography of the problem / A. N. Zagidulin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». 2024. - No. 6 (72). - P. 44–50.

Дата поступления статьи: 19.07.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 19.07.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024